

Дмитрий ЗАМЯТИН

Дмитрий Замятин родился в 1962 году. Окончил географический факультет МГУ, кандидат географических наук, доктор культурологии. Автор книг и статей о географических образах в культуре, пространственно-географических аспектах творчества П.Я. Чаадаева, Александра Блока, Бориса Пастернака, Андрея Платонова, Андрея Тарковского и др. Публиковался в журналах «НЛО», «Новая Юность», «Зеркало», «Октябрь», «Новый берег», «Урал», «Воздух» и др.

СОЗДАТЕЛЬ ХОЛМОВ

тому свидетельство языческий сенат
никогда не бывает слишком рано
давай выйдем на площадь этого сна
как трагический человек софокла

ты проходишь стадию рыбы
как будто дождь идёт где-то в другом городе
над чёрными иконами деревьев
взгляд улисса затоплен итакой

быстрее чем лани в нежной жатве
под струящимся стягом слов
на бегу

вечеровые кочевые речи
то ли ты литоты лишь улитой
полы пальто на стуле лопатой

женщины
огонь
опасные вещи
как твой воссозданный рим
она купила зачем-то чуть-чуть голландского сыра
в отблесках пустоты

расстегнёшь ваше платье
наверное мы все страдаем ностальгией по садам
поиски идентичности никогда не кончаются
здесь шёл снег в августовские ноны

всё твоё тело цветёт большим
дождливое раннее утро последней гражданской войны
как предварительно напряжённая железобетонная балка
в углах городского зноя

за кризисом вызванным верлибром
ребята поющие в метро
кафка был тайным мейнстримом
пойменный
пойманный
поимённый луговой микрокосмос

я неизбежно терялся в водянистых вселенных
пролежни платёжеспособности
дотошная трепетность репетиций
стойкое пребывание на месте к счастью

назидательные глаголы в речи отца
за волшебной матовой влагой
я не хочу вторгаться в ваши девичьи сны
хлестая в большое холодное стекло

их едва слышная беседа
пытаясь рыдать стремился дальше
необычайная точность языческого ничто
мошна мощна и танки наши быстры

осенняя шапочка детская с красной звёздочкой
неоконченность чьей-то чужой моей мысли
я бросила биофак после первого курса
а безграничные степи центральная азия

на самых верхних багажных полках
он летел через океан уже второй раз
проникаясь пространством чем-то
я или брат в этой шапочке

в тот дачный подмосковный посёлок
помогаешь да природа хороша
я любила ездить долгими пассажирскими поездами
но книги были действительно всем

среди картинных почти берёз на склоне
но простить тот город нельзя за его недоюжность
ты звонила несколько раз и всё что-то
провинциальный британский университет на магистерскую программу

цены отпустили
наука непросто давалась
молодая красивая сотрудница оксана

надо было принимать решения

я заболел красным и золотым
женщина будто течение реки
реальная ритуальность аллитераций
в сибире он поселился на заимке

сохраняется это семейное беспокойство
вереск цветёт
жуть нежна рукопожатьем дрожью
поехать на две недели в парагвай

в деликатно урчащих роскошных лимузинах
идти налегке к высшей цели евангельской
просто я умею управлять пейзажами
как голый остов логической структуры

ночи на юге спускаются скоро
включённые сами в расслоение человеческих слогов
мы годами жили как придётся
полузабытые тексты ортодоксальных армейских уставов

так возникает то и это
продолжая собой вибрации голосовых связок
не выходите за линию огня
ну а потом выскользнул из себя

долго хотел поехать в питер
дружба была немного странной
хрустит снег ушанка греет
катя была дочерью начальника

иногда чувствовал себя в вагоне утром ранним
среднеазиатское южное пиршество за копейки
и что делать сразу не скажешь
те дачные ночи он хорошо запомнил

посиделки были хорошие у костра
а мне нужно моё я
кочевники резня растаявшие империи
как только мы начинаем думать

если бы это был хронотоп
в выгоревших глазах бровях не было вопроса
вечер темнел
ни капли религиозности

любой прилетевший в лагерь вертолёт
могли быть отдельные рассказанные истории
неотделимы от теневых сторон улиц
пальцы которые вытягиваются

бороться впоследствии доказать
осторожно и привычно идя медвежьей тропой
мы жарили яичницу по очереди
не будут слышны призывы к необычным идеям

заброшенные волейбольные площадки
оставить во времени ещё молодых родителей
майские жуки погожий майский вечер
осознавать телесные точки локализации

фильмы про фантомаса в старом кинотеатре
какие-то деревянные ложки висящие на стене
драма развёртывается не среди чувств
ходишь как случайный прохожий

переселяться сюда пока не тянет
мы все умираем внезапно
ты звонила несколько раз
вот так в конце концов когда свобода

неизвестность стала рассеиваться
я не знаю что было в его жизни
наверное мартовское солнце
моя мама очень хотела чтобы

сырость мягкой погоды была
целая жизнь проходит
тебя тянет загород через все предместья
вообразить звучание воздуха

разлагающаяся скульптура ночи
ветер важен не сам по себе
в сенях столь открытого дома письма
с детства я был послушным мальчиком

каждый плывёт по орбите
голод гладкого и ледяного
где стойко отпускают водку в розлив
слегка затуманившееся стекло вечности

топлёное молоко приречного вечера
зелёное солнце авангарда
твои нукеры приветствуют тебя
какие-то шкеты останавливают тебя

глотаю у костерка обжигающий чифирь
пожилой провинциальный человек сочиняющий книжки
обычные влажные чуть изношенные слова
мы забывшие кочевые шатры

пар доверчивого оленьего дыхания
ветшающее тело дождя
следить с балкона за перемещениями дворника
письмо о порядке сосуществований

свистом полуночных троллейбусных проводов
хочется быть своим
нерешительные снежные пятнышки
попытки затерянных местностей

так и катится текст перевозданный
как угасает её улыбка
та же самая мороженщица из клина
сохранились и чёрно-белые фотографии

талая теснота телесности
теперь дальше образов тёплой норы
лёгкий крен горных массивов и кряжей
и требуют двадцать копеек
а тебе пятнадцать лет

плитчатая раскадровка ландшафтного сценария
еле угадываемые фигурки местного кино

вырезанные фрагменты пейзажных указателей и ориентировок
весь этот драйв пространства
ощущается скользкой глянцевой чешуёй
шероховатого визуального образа
глубины самого времени

влажновоздушная оторопь
закатного склона
красящая светонесущие кущи
щекой шершавого щебнистого
проваливающегося ландшафта
древесно-веточных пройм

нервное пространство
неровного выщербленного перрона
холодок мешкотных клубящихся теней
пугливая остановка
убегающей поездной гусеницы

многоликие офени
кружатся неистовствуют
курево пиво дым пирожки
тапочки на босу ногу
простукивание колёс
ворованный хрусталь
собаки как бездомные дети
брошенный щебень судеб
нежность
входящая бесконечностью
грязной вагонной подножки

скрытое сожаление
растущее дорогой
мишурной раскрашенной осени

палочки-щепочки
разметанного стойбища
киммерийской ночи
охваченной полузабытой картой
арктической памяти
плавающей распорошенным ветром
дымкой ледяного деепричастия
пространства

франкенштейном полярного ужаса
бежит-трепещет-плещется
арктичность
на трёх мощных старых моржах

она разговаривает с домом
холодеющей вселенной
как шелковый чернеющий великан
сказкой больного морозного солнца

студится-простужается она
как что-то тихо шепчущая рыба

радугой краснеющего чума
она снаряжает ковчег
оленьего путешественного спасения

лайки
лениво сидящие
среди лунок
на льду

нарты
ещё нарты

корочка вечности
ломкие
ненадёжные
припаи бытия

под предлогом гор
пустота знака
размытого неба
снега
нега
расташенного разложенного
ландшафта
текущего образом
кисти
руки
реки
разница оснований земли
в холмах руинах
реющем свете нитей
отдалённого взглядом
дождя

ШТЫК ИЛИ

внезапная молния

светящейся на стекле
с полутьмы рассветного
полустанка
струи дождевой

напоминание о сумерках пространства
тяготящихся
неприбранным
полураздетым
ландшафтом
еще неизвестного
неоткрытого
места

длительная и настойчивая
стучащая
дорожная
тьма
в убегающем окне-иллюминаторе поезда
протяжённая настолько
насколько
хватает
сил
увидеть себя
свой собственный географический образ
как зеркальную сферу
рельефной
оконной
вечности

пылающие столбики отсвечивающих фонарей
окон
в сумраке городского вечернего пруда
водяной свет
дрожащий и
тонущий
подтверждает сквозящую правоту
легкого
небесного
снега
чей вертикальный
белый-белый цвет
(объ)являет
конец холодящей неверной горизонтали

поздней
осени